

УДК 81'371

КОГНИТИВНЫЙ СУБСТРАТ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

САВИЦКАЯ Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимодействие довербального наглядно-образного мышления и вербального дискурсивно-логического мышления при моделировании действительности языковыми средствами. Обосновывается понятие когнитивного субстрата языкового мышления, под которым понимается комплекс коллективных представлений о действительности, созданных в процессе культурного развития этноса, устоявшихся в общественной практике, закрепленных в исторической семантике этноязыка, лежащих в основе языковой картины мира, выступающих в качестве культурных кодов в процессе общения и обуславливающих коллективное и индивидуальное поведение людей. Исследование проведено на материале английского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковое мышление, дискурсивно-логическое мышление, образное мышление, когнитивный субстрат, образная основа, культурный код, языковая абстракция.

THE COGNITIVE SUBSTRATUM OF VERBAL THINKING

SAVITSKAYA E.V.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education

ABSTRACT. The article focuses upon the interaction of preverbal eidetic thinking and verbal discursive thinking in reality modeling by language means. The author offers a rationale of the term cognitive substratum of verbal thinking. The term denotes an ethnic picture of reality created in the process of the ethnos' cultural development, codified in social practice, fixed in the historic semantics of the ethnic language, functioning as a set of cultural codes in communication and determining people's mass and individual behavior. The research is based on the English language material.

KEY WORDS: verbal thinking, discursive thinking, conceptual thinking, cognitive substratum, figurative basis, cultural code, language abstraction.

По данным палеопсихологии и диахронической антропологии, мышление человека прошло весьма долгий эволюционный путь от эпохи гоминид до наших дней. Уже нашим животным предкам – высшим приматам – были присущи зачатки элементарного неречевого мышления, называемого сенсомоторным / наглядно-действенным / ручным. Его «наиболее важные особенности составляют направленность на конкретные, воспринимаемые в данный момент предметы и проявление в виде определенных действий с этими предметами» [1, с. 124]. (В наше время такое мышление наблюдается у детей до двух лет, а в зрелых формах – у взрослых людей в те моменты, когда они заняты ручными операциями.)

На следующем этапе, получив подкрепление в виде словесного языка, мышление стало развиваться по двум линиям и разделилось на дискурсивно-логическое и образное. Основная черта **дискурсивно-логического** мышления – обобщение опыта, проявляющееся в создании понятий и оперировании ими в составе логических суждений и умозаключений. Что касается **образного** мышления, его «главной особенностью ... является недостаточное развитие способности усваивать и использовать понятия, отличающиеся высокой степенью обобщения и абстрагирования ... Вместо отвлеченных понятий такое мышление предпочитает иметь дело с образами ... Отношения между образами строятся не по законам логики – преобладают ситуационные связи, ... меняющиеся в зависимости от обстоятельств и эмо-

ционального отношения к происходящему» [1, с. 125]. Образы обретают характер символов. Так, образ паутины в европейской мифологии функционирует как символ судьбы, а также зыбкости, запутанности, непредсказуемости человеческого существования. Но некоторые понятия тоже имеют образную основу. Например, та же паутина служит образной основой английского технического термина *web*, означающего «переборка», «перемычка», «диск колеса», «полотно пилы», «шейка рельса», «компьютерная сеть» [2].

Образное и понятийное мышление объединяются в пространстве языка и взаимодействуют, способствуя возникновению **концептуального** мышления, оперирующего лингвокультурными концептами. Как известно, лингвокультурный концепт складывается из понятийной, образной и ценностной составляющих ([3], [4], [5] и др.). Согласно нашим представлениям, они не рядоположены друг другу в структуре концепта. Образная составляющая – это своего рода фундамент, на котором зиждутся две остальных. Из конкретно-наглядного образа рождаются оценочные коннотации и абстрактное понятие.

Приведем пример. Представления о сжатии, сдавливании, ударе ассоциируются с представлениями о **физическом** страдании. Из этой ассоциации рождается комплекс негативных коннотаций данного образа, который затем переносится на понятия **эмоционального** страдания – беспокойства, тоски, огорчения, страха – основанные на упомянутом образе физического страдания. Этот процесс отражен в семантической эволюции ряда слов:

• индоевр. **angh* – «сужение, сжатие» → прагерманск. *eng* «давить, душить» → древнеангл. *enge* «узкий, давящий, причиняющий боль» → новоангл.

© Савицкая Е.В., 2019

Информация для связи с авторами: lampasha90@mail.ru

Anguish “тоска” / anxiety “тревога, беспокойство” / anger “гнев”;

• индоевр. *per – “ударять” → лат. de-primere “ударять сверху вниз; давить” / depressus (страдательное причастие) → старофранц. depressé / depression “подавленный / подавленность” → новоангл. depression “депрессия”;

• индоевр. *sehuro – “сжатие, причинение физической боли, ущерба” → прагерманск. sairaz “физическая боль, страдание” → древнеангл. sar “травма, рана, болезнь, страдание” → новоангл. sorrow “скорбь, кручина” / sorry “печальный, огорченный, преисполненный сожаления” [6].

Как видим, ряд названий негативных эмоций имеет в своей образной основе представление о сжатии, сдавливании.

Ученые не раз отмечали историческую преемственность и структурный параллелизм предметно-практической и абстрактно-теоретической деятельности. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют ... аксиоматический характер ... в силу этого миллиардного повторения» [7, с. 188]. Новые формы мышления развиваются, сохраняя в своей основе старые формы в виде исторических напластований языковой семантики. Эти старые формы, составляющие фундамент для более новых форм, есть то, что в нашей работе именуется **когнитивным субстратом языкового мышления**.

К этому субстрату относятся не только выработанные непосредственной практикой, пребывающие в рамках здравого смысла представления о причинно-следственных и иных связях между окружающими человека вещами, но и древние мифологические образы мира, и предрассудки, и поверья, и синестезические ассоциации, и генетически наследуемая информация, и т.п.

Например, по данным психологии, темно-синий цвет «в подсознании ассоциируется с беспокойными морскими волнами, таящими опасности и угрозу для жизни ..., вызывает в воображении угнетающие образы морской бездны, глубокой ямы, беспросветной ночи; пробуждает чувства апатии, безысходности, эмоциональной тяжести, усталости и опустошения; приводит к депрессии, вызывает тревогу, беспокойство, грусть» [8, с. 4]. Эта генетически наследуемая цвето-эмоциональная ассоциация отражена (по данным словарей [9], [10], [11]) в ряде английских языковых единиц: blues (букв. “синева”, перен. “грусть, меланхолия”; “жанр джаза, который характеризуется минорной тональностью”); to be in a blue funk (букв. “пребывать в синей тоске”, перен. “находиться в долгой депрессии”); blue devils (букв. “синие черти”, перен. “состояние апатии, чувство безысходности”); to have / be in the blues (букв. “пребывать в синеве”, перен. “кручиниться”); blue fear (букв. “синий страх”, перен. “сильная тревога, опасения”); to feel blue (букв. “испытывать синее чувство”, перен. “быть в состоянии душевной подавленности”); blue mood (букв. “синее настроение”, перен. “печаль, меланхолия”).

Ментальные состояния часто выражаются через материально-предметные образы. Так, бурные чувства представляются как физические предметы с высокой температурой: hot worship (“горячее обожание”), fiery passion (“огненная страсть”), ardent love (от лат. ardens / ardentis “пылкий”); умеренные чувства подаются как теплые / чуть теплые / прохладные предметы: warm feelings (“теплые чувства”), lukewarm attitude (“тепловатое отношение”),

cool / chilly reaction (“прохладная реакция”); безразличие, переходящее в негативное отношение к объекту номинации, передается через образы предметов с низкой температурой: cold indifference (“холодное безразличие”), frosty look (“леденящий взгляд”), icy tone (“ледяной тон”) и т.п.

Далее, судя по сочетаемости английского существительного soul (“душа”), отраженной в словарях [12], [13], [14], в религиозных представлениях душа предстает как предмет, который обладает набором физических параметров: весом (heavy / light soul “тяжелая / легкая душа”), размером (big / small / little soul “большая / малая душа”), силой (strong / faint soul “сильная / слабая душа”), плотностью (iron / stony / ephemeral soul (“железная / каменная / эфемерная душа”), прозрачностью (clear / obscure soul “ясная / мутная душа”), цветом (white / dark / black soul “белая / темная / черная душа”), яркостью (bright / shining / bleak soul “яркая / сияющая / блеклая душа”), температурой (hot / warm / cold soul “горячая / теплая / холодная душа”).

Согласно этим представлениям, душа может трепетать (to tremble / to thrill), ее можно обнажить (to bare / to lay bare), продать / обменять (to sell / to barter away), испустить (to yield / to give up); вложить (to put / to lend into), очистить (to cleanse), излить (to pour out), потерять (lost soul); она может занимать место в физическом пространстве (to dwell), переселяться из одного тела в другое (to transmigrate); передвигаться в пространстве (to fly); наконец, душа вечна (immortal) и неуничтожима (indestructible), как всякая материя.

То, что имеет физические свойства, является материальным предметом. На наш взгляд, трактовка души как физического тела свидетельствует о том, что архаическое сознание еще не полностью миновало этап наглядно-действенного мышления и поэтому репрезентировало ментальные явления как материальные вещи. Представления о душе возникли у древних людей вследствие наблюдения за порцией выдыхаемого воздуха, который бывает видимым, когда он содержит конденсат водяного пара. Отсюда то expire (букв. “выдохнуть”, перен. “умереть”); to yield one’s breath / to give up the ghost (букв. “испустить дух”, перен. “умереть”); spirit “дух” (< лат. spiro “дышу”). По мифологическим представлениям, «дух – это ... летучее **вещество** жизни, ... самая тонкая **субстанция**, ... **вещество** души» [15, с. 66]. Получалось, что дух / душа – это всё та же материя, только тонкая.

Фактически тело и дух / душа противопоставлялись не по признакам «материя :: не материя», а по признакам «плотная :: тонкая материя». По существу, идеалистам и материалистам следует поменяться названиями: идеалисты считают душу тонкой материей, а материалисты полагают, что, хотя дух / душа (психика, ментальность) имеет материальный субстрат («На духе ... лежит проклятие – быть отягощенным материей» [16, с. 29]), сама по себе душа не материальна, т.к. она представляет собой совокупность информационных процессов, которые, по К. Попперу [17], располагаются на ином уровне реальности, нежели материя.

Не умея различать уровни реальности, древний человек с его предметно-наглядным мышлением представлял себе всё как материальное. Он уже научился создавать абстракции, но даже их он позиционировал как физические предметы и существа. Это отразилось в языке, который обладает таким свойством, как субстантивизация всего сущего:

у имен существительных (лат. *nomina substantiva*) в глубинной основе их категориально-грамматическое (частеречное) значения лежит представление о субстантивности (в архаическом мышлении – материальности) всего сущего. До сих пор существительными обозначаются не только физические предметы (камень, дерево, палка и т.д.), но и отвлеченные понятия (вера, любовь, справедливость и пр.). Это вызывает подспудное ощущение того, что абстракции материальны, и побуждает оперировать их названиями так, будто это физические предметы и существа: *time flies* (“время летит”), *grief befalls* (“горе обрушивается”), *threat looms* (“угроза нависает”), *love burns* (“любовь обжигает”), *rage overwhelms* (“ярость переполняет”), *hope fades* (“надежда увядает”), *darkness crawls* (“тьма наползает”) и т.п. Ср. также: *heavy guilt* (“тяжкая вина”), *narrow mind* (“узкий ум”), *low spirits* (“пониженное настроение”), *tenacious memory* (“цепкая память”) и т.п.

Для обозначения абстракций в языке не существует специальной части речи. Тот факт, что и материальные предметы, и абстракции обозначаются словами одной и той же части речи – существительными – подтверждает, что между предметно-практическим и абстрактно-теоретическим мышлением есть прямая преемственность.

Язык заставляет людей называть словами, принадлежащими к одной и той же части речи – существительными – листья, вздохи, полет, грусть, мысли, знаки, числа и многое другое. «Загипнотизированные» субстантивной → субстанциональной → материальной первичной семантикой существительного, люди зачастую мыслят абстракции как физические предметы. Так люди характеризуют и слова: англосаксы дают и берут слова (*give / take-word*), сеют слова (*sow one's words*), ломают слова (*break one's word*), едят слова (*eat one's word*) и т.п. Носители русского языка слова *западают в душу, слетают с языка, вылетают из головы*, за словами *лезут в карман, их переносят из языка в язык, взвешивают*, они обладают той или иной окраской, как будто слова – это разноцветные замороженные леденцы из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Но на самом деле вещи, посредством вербального языка выделяемые людьми из мира как отдельные объекты, существуют в неодинаковом смысле и на разных уровнях реальности. Так, полет существует не в том же смысле, что летящая птица; числа – не на том же уровне реальности, что подсчитываемые предметы, и т.п.

Назвав ту или иную абстракцию именем существительным, субъект уже самим этим актом номинации помещает ее в когнитивный формат, в рамках которого ей отведена та же роль, что и материальному предмету, а также в грамматический формат, в рамках которого ее имя выступает в тех же морфосинтаксических функциях, что и имена материальных предметов. Как отмечалось, в языке не предусмотрены специальные грамматические средства, с помощью которых абстракции могли бы обозначаться иначе, чем материальные предметы: так называемые абстрактные существительные выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и так называемые конкретные существительные. Это функции подлежащего, как в английской поговорке *Curiosity killed the cat* (букв. “Любознательство губило кошку”) и дополнения, как в английской поговорке *Don't tempt fate* (“Не искушай судьбу”). Это еще одно подтверждение того факта, что абстрактное мышление развилось на

когнитивном субстрате конкретно-предметного мышления и зиждется на нем по сей день.

На субстантивизации отвлеченных понятий основано и олицетворение. Абстракции мыслятся как существа, что видно по английским пословицам: *Time is a great healer* (букв. “Время – великий лекарь”), *Death is a great leveller* (букв. “Смерть – великий уравниватель”), *Procrastination is a thief of time* (букв. “Промедление – похититель времени”), ср. рус. *Промедление смерти подобно*, *Love is blind* (букв. “Любовь слепа”), *Misery loves company* (букв. “Беда любит компанию”, ср. рус. *Беда не приходит одна*).

В сущности, раннее религиозное сознание было не идеализмом, а наивным материализмом, надевшимся информационные процессы чертами физических предметов. Это реликтовое представление отражено в проиллюстрированной выше сочетаемости современного английского слова *soul* “душа”, которое этимологически восходит к древнететонскому **saiwalō* “озерная / морская” от прагерманского **saiwaz* “озеро; море” [10]. (Согласно древнегерманским мифам, обиталищем душ до рождения и после смерти людей был священный водоём.)

Когнитивный субстрат состоит в сложном отношении с современным языковым мышлением. В одних случаях это отношение носит конвенциональный характер. Ш. Балли [18] писал, что лишь дети и иностранцы склонны обращать внимание на буквальный смысл слов и оборотов, образующий их внутреннюю форму; взрослые же носители языка, как правило, не принимают во внимание исторические смысловые пласты языковых единиц и оперируют их современными значениями. Так, употребляя технический термин *Bluetooth* (букв. “синий зуб”), перен. “объединение телекоммуникационных технологий с компьютерными”), вряд ли носители английского языка думают о синем зубе. (Это название дано в честь короля Харальда Синезубого, объединившего Данию с Норвегией в X веке н.э.) Дело в том, что эта смысловая связь достаточно случайна и потому не актуальна.

В других случаях исторические пласты языковой семантики существенно влияют на осмысление современных реалий. Так, представления о социальной иерархии очень хорошо, наглядно моделируются с помощью пространственных категорий: *upper / middle / lower classes* (“высшие / средние / низшие классы”); *top / bottom of society* (“верхи / низы общества”); *to climb the social ladder* (“взбираться по социальной лестнице”). В таких случаях когнитивный субстрат семантической системы этноязыка тесно сливается с современными значениями языковых единиц, органично переплетается с ними. В частности, трудно думать об устройстве общества, не прибегая к пространственным представлениям. Люди обычно думают о такой абстрактной вещи, как структура социума, опираясь на конкретный визуально-наглядный образ-фрейм некоей трехмерной материальной конструкции (часто – пирамиды). Данный фрейм – это и есть когнитивный субстрат семантического поля “Социум”. Мысли о строении социума движутся по линиям этого фрейма, что позволяет охватить социум единым мысленным взором и увидеть существенные взаимосвязи внутри него. Ср.: *social lift / upgrade* (“повышение общественного положения”); *social promotion / retardation* (“социальное продвижение / откат назад”); *social progress/ advance/ regress* (“продвижение / опережение / отставание в социальной гонке”); *high /*

low levels / layers of society (“высокие / низкие уровни / слои общества”) и мн. др.

Эволюционная вертикаль напластований семантики слова, подобная вертикали геологических пластов земной коры, во многих случаях может быть прослежена в ретроспективе вплоть до весьма давних, реликтовых культурно-исторических слоев. Дело доходило до того, что едва ли не все значения слов индоевропейских языков гипотетически возводились к двум исходным значениям – “гнуть” и “резать” [19, с. 145], которые, по-видимому, отражали простейшие трудовые операции, совершавшиеся древними людьми. Во всяком случае, за современной семантической системой языка стоит вся культурная история народа. Характер семантической системы каждого языка, ее специфика определяется особенностями эволюции этнокультуры.

В формировании современных значений языковых единиц участвовали все культурно-исторические пласты, но в наше время для мышления и общения в массовом масштабе значимы лишь те, которые обеспечивают прозрачность мотивировки нынешних значений; остальные, забытые языковым коллективом смысловые слои известны и важны лишь этимологам.

Например, от индоевропейской лексической основы *bhergh – “высокое место” произошло древнеангл. beorg “гора”, древневерхненем. burgh “курган; укрепление; крепость”, старофранц. bourg “городок” и производное от него bourgeois “горожанин”, которое в новофранцузском приобрело значение “буржуа” [10]. Слово bourgeois перешло из французского в английский язык. Современный средний носитель английского языка может отследить эту цепочку в обратном направлении до “горожанина” и, пожалуй, до “городка” (англ. borough), но не глубже, поскольку он не располагает дополнительными этимологическими данными. Таким образом, когнитивную основу значения “буржуа” образует этот семантический пласт, хотя в создании современного значения участвовали и более ранние семантические слои.

В качестве когнитивной основы языкового мышления выступают семантические пласты, которые принадлежат разным культурно-историческим эпохам – от древнейших, связанных с первичными, архаическими представлениями о мире (такими, как пространственные или телесные) до сравнительно недавних, связанных с важными историческими событиями, литературными образами и т.п. Когнитивная основа английского языкового мышления тематически неоднородна, но в любых обликах она выполняет функцию моделирования действительности, выступая по отношению к нему в качестве культурного кода (точнее, совокупности культурных кодов).

В этой связи следует охарактеризовать понятие “код” в том ракурсе, который значим в рамках рассматриваемой темы. Д.И. Дубровский [20] показал, что коды, применяемые субъектом в языковом мышлении, подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние коды – близкие данному субъекту коды; на них он формирует свои мысли, тогда как на внешних кодах он только вербально формулирует их, переводит их с внутреннего кода на внешний. В роли внутреннего кода главным образом выступает родной этнический язык субъекта. Но, на наш взгляд, в число внутренних кодов можно включить и тот, который более всего близок субъекту из-за его профессиональной, сословной, клас-

совой, религиозной и иной принадлежности. Субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму самой привычной ему сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

Так, военнослужащий, даже говоря о мирных вещах, тяготеет к оборотам из военного лексикона: to stand to one’s ground / to stick to one’s guns (“занять оборону”), to gain a foot hold (“закрепиться на плацдарме”), to beat a retreat (“отступить в боевом порядке”), to break through (“пойти на прорыв”), to close ranks (“сомкнуть ряды”), to be in a siege (“быть в осаде”) и т.п.

Тот, кто по долгу службы связан с денежными расчетами, склонен употреблять профессионализмы в разных значениях, выходящих за рамки финансовой сферы: to make a discount (“сделать скидку на что-л.”), to square accounts with smb. (“свести счёты”), to balance the accounts (“подвести баланс”), to debit a loan (“свести дебет с кредитом”), to sum up the outcome (“подбить итог”), to pay the bills (“платить по счетам”) и т.п.

Тот, кто возвращается в криминальной среде, усваивает арготизмы и употребляет их в любом дискурсе: to have a go (on smb.) ≈ рус. *наехать (на кого-л.)*, watch your chit chat ≈ рус. *следи за базаром*, to be on the dot ≈ рус. *забить стрелку*, big time ≈ рус. *крутой*, в авторитете, dead duck ≈ рус. *облом* и т.п.

Эти подязыки образуют часть когнитивного субстрата языкового мышления их пользователей. Нечто подобное наблюдается в этнокультуре. По Л.Н. Гумилеву [21], формирование этнического менталитета происходит в определенных природных условиях и геополитическом окружении, обусловлено способами производства, историческими событиями и другим обстоятельствами жизни народа. Всё это откладывается в исторической памяти, фиксируется в этнокультуре и ложится в основу строя мышления народа, выступая в качестве совокупности культурных кодов.

Функцию культурного кода может выполнять любая чувственно воспринимаемая сфера действительности: пейзажи, явления природы, фауна, флора, творения человеческих рук (утварь, инструменты, оружие, здания, предметы одежды и т.п.), а также действия с этими предметами. Всё это есть не что иное как языки мысли и коммуникации. Приведем примеры.

Наполеон иронически назвал англосаксов la nation des boutiquiers (“нация лавочников”) [22, р. 158]. Адам Смит подхватил эту характеристику (the nation of shop keepers с тем же значением) и проинтерпретировал ее в позитивном ключе [23]. Э. Фромм назвал типичного англосакса «экономическим человеком» (англ. the economic man): его психология такова, что он склонен – буквально или фигурально – оценивать и измерять всё окружающее в денежном исчислении [24]. Англосакс видит мир сквозь монетарную призму, служащую частью когнитивного субстрата его мышления. Это отражается в английском языке:

• Надежность человека уподобляется надежности уважаемого финансового учреждения: He is as reliable as the Bank of England (“Надежен, как Английский банк”), а ненадежность – банкноте несуществующего номинала: He is as phony as a three dollar bill (“Фальшив, как трехдолларовая купюра”).

• Эталон стабильности, благополучия – свободно конвертируемая валюта: He is as sound as a dollar (“Устойчив, как доллар”).

• В деньгах оценивается и честность: I would lend him a million and take no voucher (“Я бы ему миллион одолжил и расписки не взял”); нечестный человек сравнивается с фальшивой монетой: He is a bad penny (“Он – фальшивый пенс”).

• Моральный облик человека оценивается в весьма крупную сумму: He is worth his weight in gold (букв. “Он на вес золота”, перен. “Он очень хороший человек”).

• Самочувствие тоже выражается в деньгах: I feel like a million dollars (“Чувствую себя на миллион долларов”).

• Столько же стоит и красота: She looks a million bucks (“Она выглядит на миллион баксов”).

• В эту же сумму оценивается и лучезарность улыбки: a million-dollar smile (“улыбка на миллион долларов”).

• Важность темы тоже оценивается в деньгах: чрезвычайно важная тема стоит миллион (a million dollar issue “вопрос на миллион долларов”), а менее важная – в более скромную сумму (a sixty-four dollar issue “вопрос на 64 доллара”).

• Если англосакс не смог разгадать загадку, он готов оплатить ответ: I'll buy it (“Покупаю”).

• Оплачиваются и чужие мысли, но недорого: A penny for your thought (букв. “Даю пенни за твои мысли”, перен. “О чем ты думаешь?”).

• Уверенность выражается готовностью заключить пари на невыгодных условиях: Dollars to doughnuts it will rain today (букв. “Ставлю доллары против пончиков, что сегодня будет дождь”).

• Стоимостью обладает и заинтересованность / незаинтересованность: to care a silver dollar about smth. (“ценить что-л. в серебряный доллар”) / not to care a brass farthing (“ни в грош не ставить”).

Таких примеров можно привести еще немало. Англосаксам свойственно отражать мир с помощью «коммерческого» культурного кода.

В отличие от них, русские во многом мыслят мир в категориях войны:

• Надежность / ненадежность человека оценивается носителями русского языка не в коммерческих, а в боевых терминах: Я бы с ним в разведку пошел / не пошел.

• Военный, а не денежный характер носит и оценка внешности человека: о красивой внешности говорят *пленительная* (от *пленить* “взять в плен”), а о безобразной внешности говорят *страшнее атомной войны*.

• Если русский не может отгадать загадку, он не платит, а идет в плен (*Сдаюсь*).

• Чужую мысль он не покупает, а выпытывает, как на допросе (*Колись*).

• Выражая уверенность, русский, как и англосакс, бьется об заклад, но ставка – не деньги, а жизнь (*Даю голову на отсечение*).

• Вполне мирные области общественного бытия русский описывает в военных терминах: *определить фронт работ, битва за урожай, осаждают бастионы неприступной красавицы, завоевать ее сердце, победа на любовном фронте, дела на семейном фронте, штурмовать твердыни науки, заложить мину недоверия, вести подкоп под моральные устои, ударники соревнования / учебы / труда* (ударниками первоначально именовались бойцы ударных, т.е. штурмовых батальонов), *биться за повышение производительности труда, дружно ополчиться на недостатки, вести войну за души юного поколения* и многие другие обороты, в образной основе которых лежит фрейм “Война”.

Этот основанный на военной метафоре русский культурный код глубоко укоренился в недрах народного менталитета, которые К.Г. Юнг [25] назвал коллективным бессознательным. «Милитарный» культурный код, участвуя в порождении речи, определяет особенности русского языкового мышления.

В процессе формирования и словесного формулирования мысли, при переходе от наглядно-образного довербального мышления к абстрактно-понятийному вербальному мышлению нередко происходит частичная потеря информации и большее или меньшее искажение содержания сознания. Это отмечалось поэтами:

Молчи, скрывайся и таи

И мысли, и мечты свои ...

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь. (Ф.И. Тютчев)

Как беден наш язык! – Хочу и не могу.

Не передать того ни другу, ни врагу,

Что буйствует в груди прозрачною волною.

Напрасно вечное томление сердец,

И клонит голову маститую мудрец

Пред этой ложью роковою. (А.А. Фет)

Поэты пытаются преодолеть разрыв между мыслью и словом. Для этого они создают особые коды – так называемые вторичные моделирующие системы, т.е. художественные языки, представляющие собой результат преобразования этноязыка.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук

Хватает на лету и закрепляет вдруг

И темный бред души и трав неясный запах.

(А.А. Фет)

По Н.С. Гумилеву [26], поэтический язык представляет собой «высокое косноязычье», которое «тебе даруется, поэт». Имеется в виду, что поэтический текст затруднен для понимания по сравнению с обычным текстом вследствие применения нестандартного кода. Но за счет этого поэзия обеспечивает двойной (образный и понятийный) взгляд на мир, возможный благодаря двухуровневости поэтической семантики, которая подразделяется на уровень значений и уровень внутренней формы (и в первую очередь ее разновидности – образной основы). Как внешний, так и внутренний мир субъекта моделируются полнее и объемнее с помощью семантически двухуровневых знаков, нежели одноуровневых.

Следует отметить, что и сам словесный язык характеризовался А.А. Потемной как эстетический феномен: «Символизм языка ... может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью ... Слово есть искусство, [а] именно поэзия» [27, с. 84]. Действительно, коллективный разум народа, создавшего мифологию, фольклор и язык, по креативному потенциалу намного превосходит разум творящего индивидуума, который, по Маяковскому, есть лишь «подмастерье» у «народа, у языкотворца». Творческий потенциал культурно-языкового коллектива подчеркнут и другим автором:

Перед тобой клоню колени,

Народ-поэт! Народ-орел! (И. Северянин)

Этноязык сходен с поэтическим языком в том, что он тоже репрезентирует реальность на двух уровнях – на уровне системы значений и на уровне внутренней формы языка.

Сущность денотата иногда в большей степени отражается во внутренней форме, нежели в значении языковой единицы. Так, в словаре [11] значение слова *conscience* (“совесть”) дается простое определение: “*moral sense of right or wrong*” (“моральное чувство добра и зла”), тогда как его внутренняя форма (лат. *conscientia* букв. “совместное знание”) сжато отражает целую философию, в рамках которой совесть мыслится как совокупность представлений, принятых в определенном социуме и регулирующих отношения людей в коллективе; субъект сопоставляет свои мысли и дела с общественными установлениями. Как видим, внутренняя форма способствует углубленному осмыслению понятия, содержащегося в значении слова.

Некоторые когнитивные установки восходят к доисторическим временам и, возможно, унаследованы людьми от животных предков. Таковы, в частности, пространственные представления, которые, по данным экспериментальной психологии, являются врожденными. Другие установки носят характер не биологического, а культурного наследия, они относятся к историческим временам – например, религиозные представления о мироустройстве. Независимо от эпохи возникновения они оказывают

подспудное влияние на современное мышление и поведение.

В когнитивном субстрате языкового мышления проявляются как общечеловеческие, так и региональные, и национальные черты – в той пропорции, в какой данный народ сходен с другими народами и в какой он отличается от них. «Национальные особенности – достоверный факт, – отметил Д.С. Лихачев. – Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, ... только данной стране. Всё дело в ... их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт» [28, с. 64]. Об упомянутой пропорции можно судить, изучая когнитивный субстрат языкового мышления того или иного народа в сравнении с другими народами.

Итак, под когнитивным субстратом языкового мышления мы понимаем совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике (кодифицированных), закрепленных в исторической семантике этноязыка коллективных представлений о действительности, а также познавательных установок, которые лежат в основе языковой картины мира, служат культурными кодами в процессе общения и обуславливают человеческое поведение в общенародном и индивидуальном масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жмуров, В. А. Психопатология. Часть 1 [Текст] / В. А. Жмуров. – Иркутск : изд-во Иркутского гос. ун-та, 1994. – 165 с.
2. Современный англо-русский политехнический словарь [Текст] / под ред. А. М. Феединой. – М.: Вече, 2012. – 512 с.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
5. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.
6. Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / E. Klein. – Amsterdam, London, New York : Elsevier Publishing Co., 2013. – 844 p.
7. Ленин, В. И. Философские тетради [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 29. – М.: Госполитиздат, 1969. – 782 с.
8. Нелюбова, М. В. Психология цвета [Электронный ресурс] / М. В. Нелюбова. – 2018. – Режим доступа: http://www.videoton.ru/Articles/pshiho_color.html
9. Concise Oxford Dictionary of Current English / H. W. Fowler, F. G. Fowler, R. E. Allen (eds). – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 1044 p.
10. Oxford Dictionary of English Etymology / C. T. Onions (ed.). – Oxford : University Press, 1996. – 1024 p.
11. Online Etymology Dictionary of English [Electronic Resource] / D. Harper (ed.). – URL : <https://www.etymonline.com/>
12. Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский, русско-английский [Текст] / сост. И. И. Убин. – М.: Р. Валент, 2007. – 552 с.
13. Англо-русский словарь глагольных словосочетаний [Текст] / под ред. Э. М. Медниковой. – М.: Русский язык, 1986. – 640 с.
14. Комбинаторный словарь английского языка [Текст] / сост. М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсон. – М.: Русский язык, 1990. – 286 с.
15. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике [Текст] / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
16. Маркс, К. Немецкая идеология [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – Изд. 2. – Том 1. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 9-454.
17. Поппер, К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия [Текст] / К. Поппер. – М.: изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
18. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М.: Эдиториал URSS, 2009. – 384 с.
19. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза словач индоевропейских языках [Текст] / М. М. Маковский. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.

20. Дубровский, Д. И. Понимание как расшифровка кода: информационный подход к проблемам герменевтики [Текст] / Д. И. Дубровский // *Философские основания науки : материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки»*. – Вильнюс : Пяргале, 1982. – С. 128-133.
21. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2016. – 560 с.
22. O'Meara V. E. *Napoleon en exil* / V. E. O'Meara. – Tome II. – Paris : Huzard-Courcier, 1824. – 488 p. – Édition en facsimilé 2015.
23. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
24. Фромм, Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
25. Юнг, К. Г. Личное и коллективное бессознательное [Текст] / К. Г. Юнг // *Очерки по психологии бессознательного*. – М. : Когито-Центр, 2010. – С. 78-95.
26. Гумилев, Н.С. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н.С. Гумилев. – СПб.: Академический проект, 2000. – 736 с.
27. Потеня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потеня. – М. : Юрайт, 2016. – 290 с.
28. Лихачев, Д.С. Заметки о русском [Текст] / Д.С. Лихачев. – М.: КолЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.